

Почему сегодня Китай «гордо стоит на Востоке мира»

© 2013

Э. Пивоварова

В статье показано, как в ходе реформ в КНР сформировалась конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал в развитии экономики. Рассмотрены направления поиска учеными-экономистами мира оптимизации способов государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: Китай, преодоление бедности и отсталости, эффективность рынка, социальная защищенность трудящихся, капитализм, социализм, конвергенция.

Первыми словами, произнесенными новым Председателем КНР Си Цзиньпином в заключительной речи на сессии ВСНП в марте 2013 г., были: «Сегодня наша Республика гордо стоит на Востоке мира». И действительно, Китай за годы необычайно сложных рыночных преобразований в странах с ранее централизованно-распределительной системой управления экономикой прошел путь, которым может гордиться.

Уже к началу 1990-х годов в КНР по существу сформировался нашедший отражение в экономической политике государства подход, в котором идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма.

Практически все новые моменты в представлениях о строительстве социализма в КНР связывались с задачей ликвидации экономической отсталости страны и бедности нации. Поэтому предлагалось, исходя из реалий китайской действительности, наполненной и 30-летним опытом строительства, отвечающего традиционным "чисто социалистическим" нормам, и получаемым опытом ранее не вписываемых в социализм рыночных преобразований, вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства.

Для этого в КНР в процессе реформы экономической системы, отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование по сути не ограниченный во времени срок.

Среди определенных автором особенностей китайских реформ, способствовавших значительному социально-экономическому прогрессу в стране, важнейшей явилось то, что в отличие от России, где идеи академика Н.П. Федоренко, предлагавшего уже в 70-х годах XX в. поэтапно переходить к методам планово-рыночного регулирования¹, не

смогли пробить себе дорогу, в КНР не уповали на «невидимую руку рынка», а «услышали Кейнса», а потому, стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, не выпускали из поля зрения макроконтроль, действовали не по принципу, «чем меньше государства, тем лучше для экономики», а по мере необходимости усиливали государственное участие в рыночных преобразованиях.

Важным при этом было то, что создание субъектов рынка осуществлялось в Китае не путем разрушения существовавших государственных структур, а путем заполнения имеющихся брешей за счет развития многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных). Это не только обеспечивало быстрый рост числа субъектов рынка, но и меняя структуру народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения ее к реальным потребностям народа.

Практика экономических реформ в бывшем социалистическом мире дает разные примеры. Если в нашей стране, где для осуществления рыночных реформ в начале 90-х гг. XX в. была принята «противостоящая кейнсианству модель экономики»², позволявшая каждому участнику рынка делать, что он хочет, и потому были фактически разрушены все положительные социальные завоевания прошлого, то КНР, пойдя по пути постепенного внедрения рыночных начал в экономику, достигла того, что социальная плата оказалась посильной для населения и сопоставимой с тем действительным экономическим прогрессом, ради которого и вносилась.

В диалоге двух крупнейших экономистов мира Джона Кеннета Гелбрейта и Станислава Меншикова о проблемах и перспективах развития капитализма и социализма, состоявшемся в 1988 г., когда стали распространяться утверждения, что может произойти «радикальный поворот от кейнсианского и рузвельтовского капитализма, существовавшего на протяжении последних 50 лет, к новой разновидности капитализма — «чистому» капитализму, без каких-либо реформ, без социального страхования и т.п., оба ученых сошлись во мнении о том, что «реформы, направленные на улучшение жизни так называемого низшего класса», должны быть «одной из необходимых перемен в рамках капиталистической системы», что «нельзя уклоняться от ответственности за благосостояние бедных», нуждающихся в «обязательной государственной помощи»³.

Говоря о тех социалистических странах, где на протяжении ряда лет официально не существовало централизованного планирования, а прежняя командная система прямого бюрократического контроля трансформировалась в систему опосредованного бюрократического контроля (обсуждался опыт Венгрии, Югославии), ученые высказали идею получения «примера социалистическо-капиталистической конвергенции» или просто «сотрудничества двух весьма различных систем»⁴.

Называя возможные сценарии перспектив развития социализма, в качестве наиболее позитивного, направленного на решение проблем социализма с помощью антибюрократических реформ, был назван сценарий «подлинно демократического централизма», имеющего в виду «сочетание и эффективное использование лучших черт центрального планирования с наилучшими и наименее опасными и деструктивными свойствами рынка».

В качестве таких наилучших черт двух различных систем рассматривалось, с одной стороны, то, что присущее социализму центральное планирование и централизованный контроль можно и нужно использовать для корректировки и совершенствования деятельности рынка и для решения некоторых проблем, с которыми неизбежно приходится сталкиваться, когда пытаешься совместить планирование и рынок; с другой стороны, то, что на уровне микроэкономики, т. е. предприятий, объединений, социализм мог бы многому поучиться — причем ускоренными темпами — у капитализма, у частного предпринимательства, у рынка. «Если социализм справится с этим, —

заклучал российский ученый-политэконом С.М. Меншиков, — то, сочетая наименее социально опасные стороны частного предпринимательства и рынка с преимуществами плановой системы на макроэкономическом и социальном уровнях, мы сможем действовать успешнее капитализма»⁵.

Если XX в. именно Кейнсу обязан «теоретическим обоснованием расширения экономических прерогатив государства при сохранении частной инициативы»⁶, то возникшие уже в XXI в. кризисные явления в финансово-экономической сфере подтолкнули мировое сообщество на поиск новой парадигмы развития, способной улучшить ситуацию путем достижения равновесия между государством и рынком.

Задаваясь вопросом «почему Китай лучше других переносит кризис?», профессор Международного университета в Москве, доктор экономических наук, ученый и публицист, член союза писателей России Г.Н. Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что «прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике»⁷. В предисловии к данной книге вице-президент РАН, академик А. Некипелов пишет: «Немало сторонников — как в России, так и в мире — найдется у отстаиваемого проф. Г.Н. Цаголовым тезиса: формирование конвергентной социально-экономической модели общества, предполагающей разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал становится императивом нашего времени»⁸.

Обсуждая сегодня перспективы конвергенции различных социально-экономических систем, ведущие экономисты в России и за рубежом высказывают различные мнения. При этом часто говорится не только об опыте Китая, но и о странах Латинской Америки, Индокитая, некоторых странах Европы. Как правило, разногласия возникают в тех случаях, когда кто-либо из авторов рассматривает конвергенцию как естественный эволюционный процесс, приводящий к «органическому синтезу различных систем», а не как осуществляемый государственной властью процесс «сближения» двух противоположных систем путем перенятия каждой из них положительных наработок друг друга и достижение на этой основе оптимизации способов государственного регулирования экономики.

В научном сборнике «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи» академик О.Т. Богомолов, говоря о разработке Китаем собственной модели развития, называемой «социалистическим гармоничным обществом», заключает, что «эта модель призвана сочетать цивилизованные рыночные отношения с социальной справедливостью на основе регулирующей роли государства»⁹, а доктор исторических наук, профессор В.И. Дашичев называет переход Китая в 1978 г. к постепенным преобразованиям экономики страны с использованием принципов социального рыночного хозяйства «событием мирового значения», подчеркивая, что сохранение сильной регулирующей роли государства обеспечило успех реформ и стабильный рост народного хозяйства без социально-политических потрясений и экономического ущерба для населения, «продемонстрировав громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма»¹⁰.

Действительно, как отмечалось на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г., только за последние десять лет КНР по общим количественным показателям экономики с шестого места в мире передвинулась на второе, намного поднялся жизненный уровень народа и возросла совокупная мощь страны.

Поскольку возглавленное Си Цзиньпином пятое поколение руководства КПК подтвердило свою приверженность прежнему курсу строительства «социализма с китайской спецификой», сочетающего положительные достижения как плановой, так и рыночной экономик, социально-экономический прогресс в КНР, по нашему мнению, продолжится.

Впечатляет поставленная на XVIII съезде КПК цель — к 2020 г. удвоить ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения страны по сравнению с 2010 г. Учитывая долгий опыт китайских реформ, когда выдвигались и досрочно выполнялись самые грандиозные планы, когда при самых неблагоприятных ситуациях преодолевались, казалось бы, непосильные трудности в бедной и гипернаселенной стране, можно надеяться, что и эта цель в КНР будет достигнута. И здесь, на наш взгляд, решающую роль будет играть не боязнь социального взрыва в стране, а мудрость экономической политики китайского руководства. В итоге Китай поднимется на более высокую ступень в перечне стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал.

Успехи в социально-экономическом развитии не только Китая, но также Индии, Бразилии и соседей России по Таможенному союзу — Белоруссии и Казахстана, автор многих публикаций о моделях различных стран мира профессор Г.Н. Цаголов совершенно справедливо, на наш взгляд, оценивает как результат использования в деятельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития¹¹.

Безусловную ценность в связи с этим имеет принципиальный вывод, сделанный директором Института Дальнего Востока РАН академиком М.Л. Титаренко: «Обобщение накопленного за 30 лет опыта проведения экономической реформы и политики открытости позволили руководству КПК построить в Китае новую конвергентную экономическую, политическую, социальную и культурную многоукладную структуру общества, сочетающую научно-технические и управленческие достижения капитализма и ориентацию на построение гармоничного общества справедливости и средней зажиточности»¹².

-
1. Федоренко Н. Россия: уроки прошлого и будущего. М.: Экономика, 2001.
 2. Дзарасов С. Услышит ли Россия Кейнса? // Слово. 2012. № 39–40. С. 7.
 3. Гелбрейт Д. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование: Диалог. М.: Прогресс, 1988. С. 122–123.
 4. Гелбрейт Д. К., Меньшиков С. Указ. соч. С. 131–134.
 5. Там же. С. 142.
 6. См.: Гринберг Р., Рубинштейн А. Основания смешанной экономики. М., 2008. С. 71.
 7. Цаголов Г. Кризис и модернизация. М.: Экономика, 2010. С. 74–75.
 8. Там же. С. 5.
 9. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012. С. 24.
 10. Там же. С. 339.
 11. См.: Цаголов Г. Конвергенционный набат. М., 2011. С. 5–150.
 12. Титаренко М. О феномене китайского социализма // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 22.